

«Амели, встретимся в заднем переулке на минутку».

Лицо Жоржа было белым, когда он прошептал это. Она попыталась спросить его, не заболел ли он, все ли с ним в порядке, но он ушел и убежал.

На кухне было нестерпимо жарко, и ей нужен был свежий воздух.

«Я только на минутку выйду».

«Конечно, только следи за тем, чтобы тебя не поймала леди».

«Хорошо».

Кивнув повару, Амели открыла дверь во двор. В отличие от оглушительного шума кухни и коридора, темнота снаружи была совершенно тихой.

Амели пересекла газон, влажный от ночной росы.

Это была короткая прогулка, всего несколько минут до заднего переулочка, о котором ей сказал Жорж, но как только она осталась одна, на нее нахлынула волна беспокойства и тревоги. Приказ суда приближался с большой скоростью.

Она отказалась от идеи писать его дяде на родину. У него было несколько собственных детей, и она не хотела обременять свою тетю своими проблемами.

Затем она задумалась... что будет теперь.

□Есть так много тех, кто пострадал, что будет нелегко.□

Сказал ей суровый банкир в сдержанном тоне. Была возможность подать апелляцию, но это была всего лишь формальность...

Наконец, из уст Амели вырвался неглубокий вздох. Быть горничной было трудно, но это было ничто по сравнению с тем, чтобы попасть в тюрьму.

«Ха...»

Мягкий ночной бриз пронесся мимо нее. Он нес слабый аромат цветов, но было холодно. Верхушки плакучих ив на берегу озера шелестели, а вишни, капающие дождевой водой, создавали потрясающий ночной пейзаж.

«Это красиво».

Пробормотала себе под нос Амели, идя по своим делам, глазами окидывая окрестности.

Десятки фонарей безмятежно плавали на воде, лениво дрейфуя на ветру. Это были фонари, которые Катарина просила сложить один за другим утром, когда они сидели в бочках, плавающих на воде, настаивая на том, что ночной вид был важен, даже если никому из присутствующих не было интересно это большое озеро.

Амели тихо вздохнула, вспоминая желание, которое она тайно загадала, когда отправила его.

«Пожалуйста, не дай мне попасть в тюрьму».

Она не желала счастья, она была суровой реалисткой. Она просто хотела избежать тюрьмы.

Потом, когда остался только один фонарь, она в отчаянии загадала последнее бессмысленное желание.

...Я хочу, чтобы с неба посыпались деньги.

«Амели Ганьер».

Именно тогда из темноты медленно вышла фигура и позвала ее. Испуганная, Амели обернулась.

«Кто вы?»

«Тот, кто позвал тебя».

Человек, остановившийся у проема, усмехнулся, затем сделал несколько шагов к ней. Холодный лунный свет падал на его лицо, когда он вышел из тени деревьев.

«А...»

Лицо Амели ожесточилось. Мужчина стоял там такой же красивый, как и раньше, если не красивее.

«Давно не виделись. Тебе стало лучше?»

Оливье Дампьер широко улыбнулся.

«Зачем ты здесь...»

Амели была в ужасе. Она нерешительно отступила назад, споткнулась о корень дерева и упала.

«В тот день ты была такая острая на язык, а теперь ведешь себя так, будто боишься увидеть убийцу».

После минутного колебания Амели сжала руки и низко склонила голову.

«Вы... герцог. В тот день я была так больна, что не могла мыслить рационально, и поэтому осмелилась совершить такое оскорбление против вас. И сейчас, от всего сердца, я прошу прощения...»

«Я пришел не для того, чтобы услышать извинения».

Оливье перебил Амели.

«Что...?»

Она тупо уставилась на Оливье.

«Тогда зачем я, почему здесь...»

«Чтобы погасить свой долг. 1700 франков или около того?»

Пораженная, Амели подняла голову и посмотрела на Оливье. Ее взгляд был растерянным, словно она все еще недоумевала.

«Я, я...»

Амели втянула в себя воздух, вспомнив встречу в переулке. Она помнила выражение его лица, когда он внимательно читал письмо, и по ее спине пробежал холодок.

Думал ли он, что поймал ее слабость?

На нее нахлынула огромная волна страха. Я знала бесчисленное множество мужчин, которые пользуются слабостями своих горничных. Неужели он хотел заплатить мне, чтобы я стала его любовницей?

Оливье, должно быть, прочитал страх в глазах Амели, потому что он нахмурился.

«Я ничего глупого не сделаю. Амели».

«Тогда...»

«Я хочу, чтобы ты держала меня за руку до восхода солнца. А потом я заплачу тебе 1700 франков».

«...руку?»

Амели испугалась ещё больше. Почему руку? Он что, извращенец? Что он собирается делать с моей рукой?

«Нет...»

Видя, что лицо Амели стало ещё бледнее, чем раньше, Оливье коротко вздохнул.

«Я не знаю, что ты себе вообразила. Я буду буквально держать тебя за руку и никогда к тебе не прикоснусь».

«Но герцог...»

Амели всё равно было не по себе. Она колебалась, потому что боялась, но всё ещё с трудом верила...

«Одна тысяча семьсот франков — это большие деньги, и я не понимаю, почему ты хочешь просто держать меня за руку...»

«Для тебя это большие деньги. Не для меня».

Оливье перебил её, серьёзно.

«Почему? Потому что ты чувствуешь ответственность, когда в дело вступают большие суммы денег, и готова даже продать своё тело? Ты безрассудная».

«...Тогда действительно...»

«Мне нужна служанка, которая будет со мной. Мы будем ходить здесь, держась за руки, пока не взойдёт солнце, с необходимой общественной оглаской, а потом мы уедем из Эзона на год, а после этого, ну что ж, решать тебе».

Я была в шоке. Я слушала, не зная, что сказать. Хорошо, что это не то, чего больше всего

боится горничная...

Но почему?

«Потому что у меня есть слабость».

Амели посмотрела на его лицо, удивляясь, может ли даже такой человек, как Оливье Дампьер, быть к кому-то равнодушным.

«У меня трудности, и... Мне придётся ненадолго уехать из Эзона, чтобы разобраться с этим».

Единственное, что отличало её от него, — она казалась довольно беззаботной для человека, которого загнали в угол...

«Значит, давайте поможем друг другу. Я вознагражу тебя по достоинству, а ты мне поможешь».

«Значит, чего ты хочешь сейчас...»

«Упасть».

Он сказал утвердительно.

«Вот чего я хочу, упасть».

Это был человек, ни разу не испытавший поражения, судя по самодовольной усмешке на его лице в тот момент.

«Амели Ганьер. Ты знаешь эту пословицу?»

Уголок рта маленького герцога холодно изогнулся.

«Это тайное удовольствие — держать горничную, но позор — любить её».

Любить горничную — позор...

Взгляд Амели упал вниз.

Горничная настолько низкая, что в их мире её просто унижат.

Но Оливье, придя в себя, сказал:

«Я хочу, чтобы меня считали человеком, который любит горничную. Я хочу, чтобы меня поносили как дурака, бросившего свою жизнь в грязь, а затем мир на какое-то время обо мне забудет».

«...»

«Никаких глупых забав на одну ночь. Что Оливье Дампьер сошёл с ума из-за горничной по имени Амели Ганье, или что-то в этом роде».

Их взгляды встретились в тишине ночи, тёмно-зелёные глаза были устремлены на Амели, ожидая ответа.

«Так...»

Дрожащий голос сорвался с губ Амели, голова её всё время была опущена.

«Что мне делать... Если мы просто будем держаться за руки, мне заплатят? Всё будет кончено, когда люди узнают об этом и уйдут из этого дома с восходом солнца... Вот и всё?»

«Да, вот и всё. Мы с тобой больше никогда не увидимся».

Он просто ответил. Амели заворожённо наблюдала, как Оливье медленно надевает перчатки.

Будто он вооружился.

Грациозный палец осторожно проскользнул в перчатку, другую же руку он слегка обхватил за запястье и развернул, так что прямые длинные пальцы и большая ладонь были надёжно скрыты в белоснежной перчатке.

Оливье слегка потряс рукой и улыбнулся.

«В буквальном смысле, Амели. Только рука».

Внезапно Амели поняла, почему он так акцентировал слово «рука»: у герцога Дампьера, как оказалось, не было сердца. Он даже не хотел, похоже, к ней прикоснуться.

«Не думаю, что это твоя потеря».

Оливье подступил к ней.

Он сократил расстояние слишком сильно, как в тот раз, когда она стояла рядом с ним в узком переулке, потом посмотрел на неё сверху вниз и прошептал:

«Клянусь, между нами ничего не произойдёт. И я просто хочу закончить всё на том, что мы держимся за руки...»

Голос Оливье затих, и он посмотрел на Амели.

«Не стоит».

Лицо Амели исказилось. «В этом нет необходимости...» Утонченность слова, сухой, равнодушный взгляд. Они вонзили огромный гвоздь ей в сердце.

Другими словами, Амели Ганье была для знатного господина не лучше собаки или какого-нибудь другого домашнего животного.

Инструмент для запугивания знати, унижения и позора, и в конечном итоге возможность сбежать, совершив намеренное падение...

«Держи.»

Как человек, которого заставляют прикоснуться к тому, к чему он не хочет даже подходить. Его лицо окаменело, и он протянул руку.

«Нет.»

Вместо того чтобы взять его за руку, Амели настороженно отступила. Раздался колючий голос.

«... Деньги, сначала деньги.»

<http://tl.rulate.ru/book/95452/3921413>